

Наследие, 2001. – 958 с.

Сетон-Томпсон Э. Виннипегский волк [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: <http://lib.rus.ec/b/80433/read> (дата обращения 4.02.2012).

Чехов А.П. Каштанка [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: <http://lib.rus.ec/b/130956/read> (дата обращения 4.02.2012).

Bourinot J.G. Literature of Canada: poetry and prose in reprint : "Our intellectual strength and weakness" / C. Roy, J.G. Bourinot, Th.G. Marquis. – Toronto : University of Toronto Press, 1973. – 389 pp.

СИМВОЛИКА ХРИСТИАНСКИХ ОБРАЗОВ В РОМАНЕ КУРТА ВОННЕГУТА «БОЙНЯ НОМЕР ПЯТЬ, ИЛИ КРЕСТОВЫЙ ПОХОД ДЕТЕЙ»

А.В. Глебова

*Научный руководитель: Е.С. Пургина,
кандидат филологических наук, доцент (УрФУ)*

За более чем сорокалетнюю историю своего существования роман Курта Воннегута (1922-2007) «Бойня номер пять, или Крестовый поход детей» (1969) не раз сталкивался с цензурными запретами в США. В последний раз книгу запретили в минувшем 2011 году в школах штата Миссури – за наличие обсценной лексики, однако в прошлом роману предъявлялись и более серьезные обвинения. В одной из школ его даже сожгли как произведение безнравственное и безбожное. Но как же тогда согласовать это обвинение с подобным следующим высказыванием писателя: «Я больше всего восхищаюсь христианством – христианством, символ которого – это кроткие люди за совместной трапезой»?

Исследователи творчества Воннегута неоднократно отмечали, что в «Бойне номер пять» художественные образы, связанные с христианством, – а они довольно многочисленны – имеют символический смысл.

Символ обладает дуальной структурой, предметный образ в нем всегда связан с идеей – в данном случае с христианским вероучением. Обращение Воннегута к теме религии отчасти продиктовано проблематикой самой книги. «Бойня номер пять» – автобиографический роман о бомбардировке Дрездена, задуманный как антивоенный. В 1944 г. Воннегут добровольно записался в армию и в ходе Арденнской операции в декабре того же года попал в плен и был направлен в г. Дрезден. Бомбардировка Дрездена авиацией США и Великобритании 13 февраля 1945 г. стала для писателя событием, к ужасу которого он на протяжении жизни постоянно возвращался на страницах своих книг. Война для Воннегута как одного из ее рядовых участников – жестокое, бессмысленное явление, а как для мыслителя – в худшем смысле «вечная»

тема для человеческой цивилизации. Образ войны – олицетворение человеческой жестокости, которой постулаты христианства противопоставлены.

Воннегут не был религиозным человеком, потому прочтение им Библии имеет свои особенности. Отношение писателя к христианству можно назвать утилитарным. Гуманисту Воннегуту представляются важными регулятивная и интегративная функции религии – последняя в особенности. Одной из важнейших проблем современного человека он считал одиночество, отсутствие принадлежности к «семье», то есть некоей общности, в которой человек мог бы самоопределиваться. По мнению Воннегута, религия конструктивна и потому может служить фундаментом для создания такой группы. В автобиографическом коллаже «Вербное Воскресенье» («Palm Sunday») он отметил, что, из опасения задеть чувства верующих, хотел бы вместо слова «религия» говорить «искренние нравственные нормы» («heartfelt moral code», перевод мой. – А.Г.) [Vonnegut 1981: 184]. В этих нравственных нормах, как видно из дальнейшего авторского комментария, угадываются все те же христианские ценности, которые лежат в основе европейской цивилизации.

Обратимся к тексту романа «Бойня номер пять», чтобы проследить, как символическое значение образов, связанных с христианством, углубляет идейно-философский план произведения.

Воннегут смешивает элементы автобиографии, реалистического описания, научной фантастики и гротескной сатиры, причем для достижения сатирического эффекта нередко используются предметные образы, имеющие отношение к религиозному культу. Они помещаются писателем в контекст, исключающий святость, получают снижающее определение: анодированный алюминиевый крест, пуленепробиваемая Библия, алтарь и орган, сделанные на фабрике пылесосов. К этому же перечню можно отнести и распятия, которые коллекционирует мать главного персонажа, Билли Пилигрима. Подчеркивая искусственность и массовость этих атрибутов, Воннегут дискредитирует идеологию общества потребления – а вовсе не сами религиозные догматы.

«Пилигримы пошли в гору» [Воннегут 2008: 96], – говорит мать Билли, когда он женится на богатой, но гротескно непривлекательной внешне девушке. Воннегут обыгрывает необычную фамилию, которую он выбрал для своего персонажа – нелепого, неловкого, слабого, инфантильного и душевнобольного, но добросердечного Билли. Ее семантика, очевидно, связана с тем, что Пилигрим совершает не зависящие от его воли скачки во времени – своеобразное иронически переосмысленное паломничество. Внимательный, преувеличенно вежливый и по-детски чистый, невинный, почти как Адам и Ева в раю,

Билли несомненно симпатичен автору. Однако вместе с тем это образ комический. Американский литературовед Лоренс К. Броэр даже называет его «козлом отпущения», на котором Воннегут вымещает все страдания, связанные с переживанием его собственного военного опыта [Bloom's Modern Critical Interpretations 2009: 46]. Впрочем, смех Воннегута в чем-то близок карнавальному смеху: для него не существует запретных тем. Если принять в расчет это соображение, то сочетание гротескного комизма и симпатии к персонажу, доходящей до сопоставления его с Иисусом, становится объяснимым.

Образ Христа в «Бойне номер пять» является одним из важнейших, он появляется в эпиграфе и красной нитью проходит через весь роман. В вагоне, где Билли третируют другие пленные, Билли располагает «на поперечнике, словно распяв сам себя» («self-crucified») [Bloom's Modern Critical Interpretations 2009: 66].

Отличительная черта поведения Билли на протяжении всего романа состоит в том, что, как бы его ни унижали, как бы ни оскорбляли, он никогда не отвечает на зло злом. Смирение – одна из главных христианских добродетелей, оно основывается на уважении к каждому человеку, искреннем приятии своего ближнего; смирение и кротость были присущи Христу. Это «совпадение» также свидетельствует о тесной связи образа Билли с образом Иисуса.

Помимо этого, Воннегут относит слова эпиграфа – «Ревут быки, теленок мычит, //Разбудили Христа-младенца, //Но он молчит» – к Билли: «Билли иногда плакал втихомолку наедине с собой, но никогда не рыдал в голос. Вот почему эпиграфом выбрано четверостишие из знаменитого рождественского гимна. Билли и видел часто много такого, над чем стоило поплакать, но плакал он очень редко и хотя бы в *этом* отношении походил на Христа из гимна...» [Воннегут 2008: 153]. Все эти сопоставления породили ряд ошибочных, по нашему мнению, интерпретаций образа Билли в том числе как «нового Христа», принесшего в мир новое, более «правильное» учение, воспринятое им от жителей планеты Тральфамадор. Однако этому противоречит следующая цитата из романа: «На Тральфамадоре, говорит Билли Пилигрим, не очень интересуются Христом. Из земных образов тральфамадорцев больше всего привлекает Чарльз Дарвин, который учил, что тот, кто умирает, должен умирать, что трупы идут на пользу. Такие дела» [Воннегут 2008: 163].

Инопланетяне призывают Билли сосредоточиваться только на счастливых моментах бытия, но единственный во всем романе – и во всей его жизни – такой момент немедленно омрачается сценой с умирающими от измождения лошадьми, везущими похожий на гроб фургон, в котором Билли и находится. Он слышит, как жалеет их проходящая мимо немецкая

супружеская чета, и сквозь его дрему мы слышим комментарий автора: «такими жалостливыми голосами, наверно, переговаривались друзья Иисуса, снимая его изуродованное тело с креста» [Воннегут 2008: 152]. Билли испытает раскаяние, и первый раз в жизни плачет громко, навзрыд – от жалости.

Мотив жалости – один из важнейших в книге. Билли испытывает жалость, глядя на страшное распятие на стене своей детской – один из лучших экземпляров в коллекции его матери; «жалобно» выглядят позвонки на оголенной спине Билли, которого пытается убить Роланд Вири. Образ Христа, одновременно со- и противопоставленный образу Билли Пилигрима, является символом милосердия и сострадания – в противовес жестокости, причины которой Воннегут стремился исследовать.

Категория символа многозначна, поэтому можно утверждать, что образ Иисуса в романе не исчерпывается одним значением. Им также символизируется безвинное страдание беззащитных, таких, как Билли, который попал на войну, будучи, по сути, еще ребенком.

На этом же мотиве – мотиве детства – основывается и вынесенный в заглавие «крестовый поход детей» – метафорически-символическое обозначение основной темы романа – войны. Согласно версии Чарльза Маккея, цитату из чьей книги «Удивительные заблуждения народов и безумства толпы» Воннегут вставляет в свой текст, этот крестовый поход, начавшийся в 1213 году, был организован монахами, решившими продать детей в рабство. Сходным образом, рассуждает Воннегут, и в наше время религия искажается в угоду разным целям, далеким от религиозных. Именно поэтому Воннегут и вкладывает в уста своего романного альтер-эго Килгора Траута вариант «нового Евангелия», показавшийся некоторым критикам таким богохульным. Писатель фантазирует на тему небожественного происхождения Иисуса, утверждая, что тогда его страдания действительно имели бы высокий гуманистический смысл: «...виной всему неточность евангельских повествований ... замысел Евангелия был именно в том, чтобы, кроме всего прочего, учить людей быть милосердными даже по отношению к ничтожнейшим из ничтожных. Но на самом деле Евангелие учило вот чему: прежде чем кого-то убить, проверь как следует, нет ли у него влиятельной родни?» [Воннегут 2008: 88].

Таким образом, критику религии у Воннегута вернее следовало бы обозначить как критику соответствующего социального института. Другим примером «светской» трактовки библейского сюжета может послужить следующая реминисценция.

«Эта книга не удалась, – пишет Воннегут в конце первой, автобиографической, главы, – потому что ее написал соляной столп»

[Воннегут 2008: 24], и приводит библейскую историю о Лотовой жене, обращенной в соляной столп за то, что она оглянулась на обреченный Содом, на который вскоре должен был пролиться дождь серы и огня (переключка с бомбардировкой Дрездена, парадоксальное сравнение вполне в духе Воннегута). «Это было так по-человечески» [Воннегут 2008: 23], – комментирует жест Лотовой жены Воннегут, для которого, говоря его собственными словами, «нет людей смешных, или противных, или злых» [Воннегут 2008: 12] и для кого самое важное в трактовке этого сюжета заключается в мотивах сострадания и памяти событий, которые нельзя забывать и на которые нужно оглядываться именно потому, что они ужасают.

Подводя итог, мы хотели бы отметить, что Воннегут, осознавая глубокую связь религиозных верований с процессами, происходящими в обществе, во множестве использует в своем тексте христианские образы, имеющие символическое значение и нередко обретающие в контексте дополнительные смыслы. Следует также сказать, что многие образы-символы, присущие роману «Бойня номер пять», характерны для романного творчества Курта Воннегута в целом.

Символ, будучи диахронической категорией, апеллирует к нашей культурной памяти, он является своеобразным языком, осуществляющим коммуникацию между человеческим сознанием и мировой культурой. Находя воплощение в произведениях искусства, символ служит передаче универсальных, общечеловеческих идей, ускользающих от выражения средствами вербального языка. Роман Курта Воннегута «Бойня номер пять» обращает на себя внимание обилием символических образов, неразрывно связанных между собой и образующих систему, сквозь которую, как сквозь призму, просвечивает глубоко гуманистическая идеология автора.

Список литературы

Аверинцев С.С. Символ / С.С. Аверинцев // Библиотека Гумер. [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Literat/aver/simv.php (дата обращения: 05.02.2012).

Воннегут К. Бойня номер пять, или Крестовый поход детей. Балаган, или Конец одиночеству / Курт Воннегут. – М. : АСТ : АСТ МОСКВА, 2008. – 317 с.

Интервью с Куртом Воннегутом [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: <http://vonnegut.ru/stat/stat.htm> (дата обращения: 05.02.2012).

Лосев А.Ф. Проблема символа и реалистическое искусство / А.Ф. Лосев. – М. : Искусство, 1976. – 367 с.

Лотман Ю.М. Избранные статьи : в 3 т. / Ю.М. Лотман. – Т. 1 : Статьи по семиотике и типологии культуры. – Таллинн : Александра, 1992. – 479 с.

Bloom's Modern Critical Interpretations: Slaughterhouse-Five. – New York : Infobase Publishing, 2009. – 183 pp.

Vonnegut K. Palm Sunday. An Autobiographical Collage / K. Vonnegut. – New York :

Dell Publishing, 1981. – 300 pp.

Vonnegut K. Slaughterhouse-Five / K. Vonnegut. – London : Vintage Books, 2000. – 176 pp.

КАНОН ЖЕНСКОГО МОДЕРНИЗМА: В. ВУЛФ И «ЗАБЫТЫЕ» ПИСАТЕЛЬНИЦЫ

Ю.Ю. Трубникова

*Научный руководитель: Е.Г. Доценко,
доктор филологических наук, профессор (УрГПУ)*

Конец XIX века – начало XX века – период, который можно считать началом утверждения новой культурной парадигмы, переворачивающей представление о месте человека в мире и несущей в себе, соответственно, новое мироощущение. Совокупность течений, сформировавшихся в данный историко-литературный период и противопоставлявших себя реалистическому искусству, принято называть модернизмом. Термин «модернизм», введенный структуралистами на рубеже 1960–1970-х гг., довольно условный и объединяет творчество разных по установкам писателей и параллельно развивавшихся течений, создающих уникальные миры и активно экспериментирующих с формой и стилем. В современном литературоведении исследование модернизма развивается в русле попыток пересмотра устоявшихся точки зрения на данный историко-литературный период. О.М. Ушакова в статье «Модернизм: о границах понятия» затрагивает проблемы содержания данного термина, хронологических рамок, репрезентативных для литературы модернизма имен, анализируя отечественные и зарубежные источники. Автор исследования выявляет химерически-протеическую природу понятия «модернизм» и предлагает рассматривать его как мифологему. «При этом модернизм как художественный феномен не миф и не иллюзия, хотя обладает большой силой сопротивления научному анализу, мифологизированы наши представления о нем и методы использования, манипулирования термином» [Ушакова 2010: 113]. М. Койл в статье «With a plural vengeance: modernism as (flaming) brand» [Coyle 2005: 15-21], рассматривая модернистский канон как устоявшийся «бренд» «высокого модернизма» («High Modernism»), трактует необходимость пересмотра модернизма как процесс «ребрендинга» – перспективного пути дальнейшего исследования модернизма, направленного на включение новых имен и литературных явлений. Вопрос о литературном модернизме остается «незастывшим», поэтому возникает тенденция «расширения» круга его аспектов. Д. Эйрз предлагает следующий подход: «Модернизм – особенно, если мы включаем остальные языки и виды искусств –